

Дмитрий Емец

МОЯ БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ БУНТ ПУПСЦКОВ

Два ребенка — это уже много, а три — это еще

много. (Обучившийся фанат)

Дмитрий Александрович Емец

Бунт пупсиков

Серия «Моя большая семья», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22044490

Бунт пупсиков : повесть / Дмитрий Емец; Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-79922-0, 978-5-699-80792-5

Аннотация

Знакомьтесь! Петя, Вика, Катя, Алена, Саша, Костя, Рита и, конечно, мама и папа! А еще три собаки, одна кошка, ручные крысы, красноухая черепаха, голуби... Вся эта большая семья живет в небольшом приморском городке, и жизнь ее напоминает веселую чехарду из приключений. Например, к Алене каждую ночь прилетает дракон, Саша все время что-то изобретает, старший Петя проспорил уже целых два миллиарда рублей двухлетней Рите, Вика обожает лошадей и поэтому научилась скакать галопом, как лошадь, Костя чемпион по боданию, Катя знает все на свете и всегда готова дать совет, а все вместе они пытаются вырыть тоннель до центра Земли!

В формате pdf А4 сохранен издательский дизайн.

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	31
Глава третья	47
Глава четвертая	67
Глава пятая	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Дмитрий Емец

Бунт пупсиков

© Емец Д., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Светлой памяти моего папы
Александра Ивановича*

МОЯ БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Глава первая

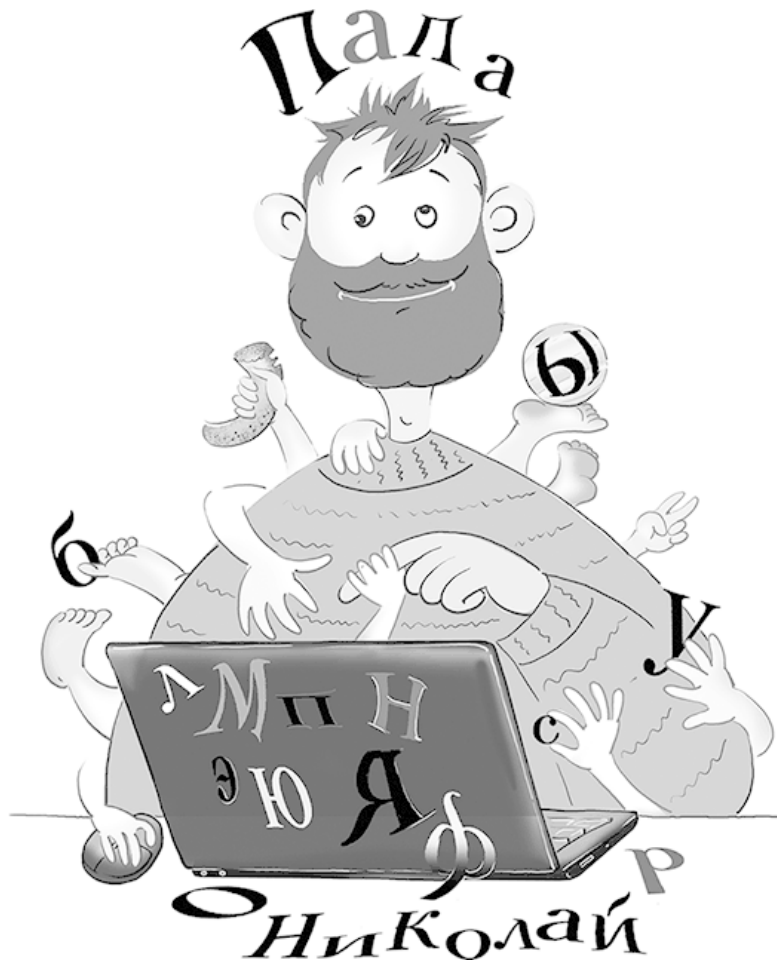
Все начинается

Двое детей – это уже много, а трое – это еще мало.

Общеизвестный факт

В городе Москве в двухкомнатной квартире жила-была семья Гавриловых. Семья состояла из папы, мамы и семерых детей.

Папу звали Николай. Он писал фантастику и боялся даже ненадолго отойти от компьютера, чтобы мелкие дети не впечатали в текст какие-нибудь посторонние буквы. Но буквы еще ладно. Много хуже, когда дети случайно ухитрялись удалить кусок текста, а папа обнаруживал это только месяц спустя, когда начинал править книгу.

И еще папу все время дергали, потому что он работал до-

ма, а когда человек работает дома, всем кажется, что он всегда свободен. Поэтому папа вставал в четыре утра, прокрадывался с ноутбуком на кухню и замирал, когда слышал, что в соседней комнате по полу начинают стучать детские пятки. Это означало, что ему не удалось выбраться из комнаты незаметно и сейчас на нем повиснут один-два ноющих ребенка.

Мама

я люблю тебя

я люблю тебя

Маму звали Анна. Она работала в библиотечном центре главной умелой рукой в кружке «Умелые руки». Правда, чаще она сидела дома, потому что у нее рождался очередной малыш. И еще у мамы одно время был интернет-магазин развивающих игр и учебных пособий. Интернет-магазин находился на застекленном балконе. Там он обитал на множестве полок, которые папа сколотил, попадая молотком себе по пальцам. Детям очень нравилось, что у них есть свой магазин. А еще больше нравилось, когда мама в большой комнате собирает заказы, раскладывая на ковре десятки разных интересных игр.

Они тогда сидели и говорили друг другу: «Главное – ничего не трогать!» При этом старшие на всякий случай держали младших за руки. Младшие же или кусались, потому что не очень приятно, когда тебя держат, или проникались чувством ответственности и тоже поучали друг друга: «Главное – положить все на место!» и «Главное – если открыл пакетик, потом его аккуратно закрыть!»

Но все равно, если мама ненадолго отлучалась, чтобы выключить молоко или ответить по телефону, бандероли покупателям уходили с неправильно рассортированными кубиками, выгрызенной мозаикой или совсем без фишек. А один заказчик получил в коробке папину тапку и был недоволен примерно в той же степени, что и папа. Они оба потом долго созванивались, договариваясь, где им встретиться, чтобы

вернуть тапку, но так и не встретились. Около полугода папа Гаврилов утаскивал вторую тапку у кого-нибудь из детей или у мамы, а они его все хором разоблачали.

Кроме детей, умелых рук и игр на маме была работа семейного доедалы. Как только у нее появлялось свободное время, она сразу доедала все с детских тарелок и шла спать.

– Меня не кантовать! – заявляла она.

Пете, самому старшему из гавриловских детей, было пятнадцать. Он целыми днями с кем-то таинственно разговаривал по телефону, выскочив на лестничную площадку, где его могли слышать только пять этажей соседей, уроки делал глубокой ночью и дома отгораживался от братьев и сестер мебелью, на которую вешал таблички «**Не входить!**». В школьных анкетах Петя писал, что он единственный ребенок в семье, а на улице шел в стороне от всех, чтобы не подумали, что вся эта толпа – его родственники.

Петя

ЕДИНСТВЕННЫЙ
РЕБЁНОК
В СЕМЬЕ

НЕ!
ВХОДИТЬ

15

Не Входить!

При этом, когда младшие дети иногда на неделю уезжали к бабушке, Петя явно скучал. Ходил по пустой квартире, заглядывал под кровати и задумчиво говорил: «Чего-то тихо как-то! А эти-то когда приедут? Скоро уже?»

Его сестре Вике было тринадцать. Она не могла сесть за стол, пока на нем была хотя бы одна крошка. И не могла лечь в кровать, пока не разгладит простыню так, что исчезнет последняя складочка. Еще Вика постоянно танцевала сама с собой и принципиально читала только те книги, в которых действуют или хотя бы просто попадают лошади. Например, в «Войне и мире» лошади встречаются – значит, «Войну и мир» она читала. А в «Горе от ума» лошадей нет – значит, «Горе...» оставалось навеки непрочитанным, хоть бы учительница даже повесилась на шторах. И не важно, что «Горе...» в семь раз короче и в пять раз проще.

Вик д

Домашнее задание Вика всегда выполняла с огромной тщательностью и по полчаса страдала, когда строчка подходила к полям, а у нее оставалось еще три буквы или цифры. На новую строчку переносить глупо, а если закончить на этой, то придется залезть за поля!

Мама и папа не уставали удивляться, как Вика ухитряется совмещать в себе романтика, любящего лошадей, и все эти складочки на простынях, страдание из-за залезания на поля и крошек на столе.

Стулья не красть!
Они поставлены
окончательно!

Катя

А где упрости
свое дело?

Руки помыть,
?

11

Товары не брать
должны
до 19.00!

и вернуть
сроком

Кате недавно исполнилось одиннадцать. У нее было прозвище Екатерина Великая. Она единственная из всех детей знала пароль от «большого компьютера», и братьям и сестрам приходилось умолять ее, чтобы она его включила. «Зачем? А ты уроки сделала? Ты руки помыла? Ты вещи свои убрал? Зубы когда ты последний раз чистил?» – строго спрашивала Катя, после чего обличаемый с воплем «у-у-у» и слезами нетерпения на глазах мчался торопливо давиться кашей или чистить зубы.

Однажды папе это надоело, и он вообще удалил с компьютера пароль. Но от этого всем стало только хуже. Дети ссорились – каждый хотел смотреть или делать на компьютере что-то свое, а малыши сидели перед монитором столько времени, что падали со стульев. Поэтому пришлось вернуться к системе Катиного самовластия, и опять все стало спокойно.

В свободное от активного руководства время Катя ходила по квартире и расклеивала желтые бумажки с объявлениями: **«Стулья не красть! Они поставлены окончательно!»** или **«Поигранные игрушки должны быть убраны до 19.00!»**.

Алёна

Алене было восемь. Она постоянно влюблялась, и это удивляло ее сестер, потому что Катя и Вика, хотя и были старше, влюблялись крайне редко. У Алены было прозвище Девочка Нет. Попросишь ее что-нибудь сделать – она сразу крикнет: «Нет! Ни за что! Фигушки!» И сразу сделает. А другие ответят: «Да-да, сейчас!» – а потом три часа надо ждать. И поэтому получалось, что Девочка Нет помогала с малышами больше всех.

Шестилетний Саша был великий химик. Он смешивал все подряд с чем попало и смотрел, что из этого выйдет. Например, смешает обувной крем с яблочным соком, пшикнет туда дезодорантом из туалета и проверяет, взорвется это или не взорвется. Больше всего от Сашиних опытов страдали продукты, особенно мука и яйца, и жидкости с верхних полок в ванной. Однажды он случайно открыл, что уксус и сода, если все правильно смешать, могут устроить большой бабах, и с тех пор уксус и соду приходилось чуть ли не скотчем приклеивать к потолку, потому что Саша их вечно похищал. Свои таланты Саша скромно характеризовал так: «Теперь меня зовут Сверхспособность! Теперь меня зовут Мегамазг! Теперь меня зовут Летающая Тряпка!»

Саша

Летающая
Тряпка!

Сверхспособность
19мт61

Мамагоз!

У четырехлетнего Кости плохо работала левая рука, и он немного хромал. Но хромота не мешала ему даже бегать, а вот руку приходилось постоянно разрабатывать, что было причиной вечного маминого беспокойства. Зная, что на ле-

вую руку он положиться не может, Костя все время ходил с деревянной саблей и мастерски умел бодаться. Саша и Костя могли сосуществовать мирно не больше пяти минут в сутки. Даже в машине их нельзя было сажать рядом, а только еще через какого-нибудь ребенка. Зная твердость Костиной головы, Саша драться с ним боялся и предпочитал взрывать брата издали или обстреливать из катапульта. Заканчивалось все обычно тем, что Саша подбивал Косте глаз кубиком и прятался от его ярости под диваном, а Костя колотил по дивану саблей и кричал: «А-а! Убейте его по попе!»

Рите недавно исполнилось два. Разговаривала она еще плохо, но была очень круглая и вечно ела. Первый завтрак, второй завтрак, третий завтрак, а там уже и время обеда придет. Если же еду от нее прятали, Рита похищала из ванной мыло и обгрызала края. И еще Рита постоянно хотела заполучить именно те вещи, которые находятся в руках у ее братьев и сестер. Пеналы, рюкзаки, учебники – не важно что. Чтобы добиться своего, она устраивала дикие концерты. Поэтому другие дети вечно придумывали варианты, как ее обхитрить. Возьмут какой-нибудь носок или никому не нужную голову от куклы и притворятся, что ни за что не дадут их Рите. Рита устроит концерт, получит голову куклы и побежит ее прятать. И все уже могут спокойно делать уроки.

Костя

Когда такая большая семья гуляла, то все охали. К ним часто подходили разные люди, особенно пожилые, и спрашивали:

– Это все ваши?

– Ну да, наши, – осторожно отвечали папа и мама.

Дома дети спали на двухэтажных кроватях, стоявших буквой П, а у младших, кроме того, были еще детские кровати с вынутыми рейками боковой решетки. Потому что когда боковые рейки не мешают, кровать можно поставить вплотную к родительской и вкатывать-выкатывать туда детей как колобков.

Рита

Но, несмотря на все ухищрения, в двухкомнатной квартире Гавриловы уже помещались плохо, ванная была вечно занята, дверь туалета то и дело сносили с петель, а отношения

с соседями по подъезду были прохладными. Видимо, из-за внутренних перегородок дома, которые были очень тонкими и легко пропускали звуки. Большинство соседей входили в положение, но на втором этаже обитала одинокая старушка, которую вечно терзали подозрения, что детей ночами пилят тупой пилой.

– Почему они у вас так орали в час ночи?

– Потому что Рита хотела пойти в магазин, а другие дети ее успокаивали, – терпеливо объясняла мама.

– Вы родители! Объясните ей, что в час ночи магазины не работают!

– Мы объясняли, но она поверила, только когда мы отвезли ее в магазин на машине и показали, что он правда закрыт!

– Мне это все не нравится! Я буду бдеть! – бледнея, говорила бабушка.

– Ну и бдите себе! – разрешала ей мама, но настроение у нее портилось.

Мама ходила из комнаты в комнату и умоляла детей говорить шепотом. Старшие дети ее еще более или менее слушались, но младшие совершенно не умели шептать.

– МАМ, Я ЖЕ ВЧЕРА ПРАВИЛЬНО ШЕПТАЛ, ДА? – вопили они из ванной через закрытую дверь.

Мама хваталась за голову, а папа говорил:

– Знаешь, мне кажется, я понял значение слова «орава»!

– И какое?

– Ты уверена, что нужно уточнять?

Бдительная бабушка очень портила жизнь, не подозревая, что под разными именами и с разной внешностью уже стала популярным персонажем современной литературы. Папа, не зная, как ей еще отомстить, расправлялся с ней в романах. Три раза бдительную бабушку сожгли огнем драконы. Два раза ее съели голодные гоблины, а один раз убийство совершилось в лифте и преступник ухитрился бесследно спрятать тело, пока лифт ехал с пятого этажа на третий.

Как-то, когда дети в очередной раз расшумелись, бдительная бабушка вызвала полицию по поводу «подпольного производства на дому». Разоблачать производство приехали трое полицейских в бронежилетах и с автоматами. Поначалу они натолкались в коридор все разом и стали что-то выяснять, но мама заявила, что ничего с ними выяснять не будет, потому что один ребенок сидит на горшке, а другой сейчас проснется. Потом появился Саша и стал просить у полицейского автомат. Он сказал, что стрелять не будет, а только посмотрит на пули. Полицейский автомат не дал, но, пока он спасал свое оружие от Саши, прицел автомата запутался в висевшей на вешалке сетчатой коффе, а выпутать его оказалось непросто, потому что в коридоре была жуткая теснота. Пока полицейские втроем выпутывали один автомат, явился Костя, победно неся перед собой горшок с результатами труда, потом проснулась Рита, и полицейские стали мало-помалу вытесняться на лестницу.

– А что вы тут хотя бы производите? – безнадежно спро-

сил один, самый молодой.

– Ты еще не понял? Иди давай, иди! – сказал полицейский постарше и стал подталкивать его в спину вниз по лестнице.

Но все же отсутствие в квартире подпольной фабрики не улучшило отношений с бдительной бабушкой. Петя даже нарисовал на нее очень похожую карикатуру, под которой жирными буквами было написано: «**Я БДИЛА, БДЮ И БУДУ БДИТЬ!**»

Бдительная бабушка продолжала надоедать, хотя все и так уже ходили на цыпочках. Однажды мама села в коридоре на пол, заплакала и сказала:

– Я так больше не могу!

– Как «так»? – озадачился папа, выглядывая с ноутбуком из кухни, где он в очередной раз разобрался с бдительной соседкой, отправляя ей в банке с огурцами живых пираний.

– Нам здесь слишком тесно! Мы как сельди в бочке! Этот город меня съел! – объяснила мама и заплакала еще громче.

Тогда папа и мама стали мечтать, что переедут жить на мо-

ре, в отдельный дом, где не будет соседей, а квартиру в большом городе сдадут. Прикинули, посчитали и решили рискнуть.

– Как хорошо, что тебе не надо работать! – сказала мама.

– Мне?! Я с утра до ночи работаю, а дети меня все время отрывают! – возмутился папа.

– Вот и хорошо! В доме у тебя будет свой кабинет! Мы будем ходить на цыпочках и тебе не мешать!

– Да! – воодушевился папа Гаврилов. – Настоящий кабинет с настоящим столом! Я обкручу дверь колючей проволокой под током, а возле нее поставлю волчьи капканы. Кроме того, в двери будут дырочки, через которые можно будет плевать отравленными иглами.

Глава вторая

Папа ищет дом

– Пап, ты червяков купил? А еду для червяков купил? А что они будут есть?

Саша

В марте папа Гаврилов поехал на море и стал искать дом, который можно было снять на долгий срок. Приморский город был малоэтажный, очень живописный, с крышами, выложенными красной глиняной черепицей. Листва появилась еще не везде, но многие деревья уже цвели, и их мягкие цветы розово расплывались в глазах, так что отдельных цветов было не разглядеть. Чудилось, дерево окутано светящимся облаком.

У папы с собой имелся список адресов, но, увы, оказалось, что в Интернете все описано совсем не так, как на самом деле, и то, что выставлялось как «отдельный дом с множеством комнат», оказывалось тесной времянкой в хозяйском дворе, разделенной фанерными перегородками и с окнами, выходящими на воющую собаку на цепи. То же, что действительно более или менее походило на дом, стоило столько, что папе никак не подходило.

Пробродив по городу до вечера, папа отчаялся. Он решил сесть на поезд и уехать. Но до поезда была еще куча времени,

и он сел отдохнуть на запутанной улочке, похожей на цифру 8. В эту улочку вело два входа, но они были очень узкие, и, если их не знать, можно было бесконечно ходить по «восьмерке», которая никогда не заканчивалась.

Папа сел на бровку под почтовыми ящиками, на которой лежала доска и стояла банка с окурками, и стал есть колбасу. Вскоре к нему подошла большая лохматая собака, старательно отлаялась и спокойно уселась рядом. Еще через минуту прибежала средняя собака грязно-белого цвета, тоже облаяла папу и с чувством выполненного долга села. Последней, поджимая переднюю ногу, причапала мелкая, но очень длинная собачонка с лысой спиной, тоже погавкала и разместилась рядом с двумя первыми. Ощущалось, что все три собаки давно между собой знакомы, а вот папу не знают, и он им интересен. Папа покормил собак колбасой и стал ждать четвертую собаку, потому что поблизости еще кто-то лаял.

Однако четвертая собака не появилась, а вместо нее из ворот вышел сухонький дедушка лет восьмидесяти. Он остановился рядом и стал молча смотреть на папу. Папа вначале не понял, почему он стоит, а потом догадался, что дедушка стоит здесь потому, что это его доска и его банка с окурками. Папа, извинившись, подвинулся, и дедушка сел рядом. Они разговорились, и папа рассказал, что он ищет дом, но ничего не может найти и поэтому идет на вокзал. Дедушка что-то буркнул, и дальше они беседовали уже о чем-то другом.

Папа Гаврилов доел колбасу и отправился на вокзал. Станция была тихая. Прямые поезда ходили сюда только летом, когда ехали курортники, а в остальные месяцы – только шесть вагонов, которые на узловой станции прицеплялись к более длинному поезду.

До поезда было еще много времени, двери вагонов не открывали, и папа бродил по перрону. Внезапно он услышал, как его кто-то окликнул. Он оглянулся и увидел худенького дедушку. Дедушка направлялся к нему, очень спешил и задышался.

– Я тут подумал! А давайте я вам сдам свой дом! – сказал дедушка.

– А вы? – спросил папа.

– Я давно собирался уехать к внучке. Но она живет далеко, в Екатеринбурге. Я не смогу сюда приезжать, а дом бросать не хочу, потому что это ведь дом, с ним надо что-то постоянно делать. Мне нужен был приличный человек, которому я мог бы доверять. Вы же приличный человек?

Папа сказал, что он не знает, приличный он человек или неприличный.

– Но ведь кухонный стол вы не продадите? Розетки открывать не будете?

Папа пообещал, что стол он точно не продаст, а вот розетки вполне может открутить кто-нибудь из мелких. Или засунуть в них пластилин или скрепки. Но упоминать об этом папа не стал, и они пошли к дедушке смотреть дом.

Дом папе очень понравился, хотя это оказался не целый дом, а только половина. Но зато половина двухэтажная, с большим чердаком. При доме был свой отдельный участок, по форме напоминавший букву Г. Длинная палочка от «Г» была размером с три легковые машины, а короткая палочка – с одну. На участке имелось даже свое дерево – огромный старый грецкий орех.

На первом этаже находились одна большая комната, одна маленькая и кухня. А на втором – три маленькие комнаты и одна средняя. Моря из окна видно не было, зато виднелся маяк, стоявший на морском берегу.

– Он работает? – спросил папа.

– Конечно! Ночью вращается прожектор. Я прожил здесь сорок два года с женой, а теперь вот семь лет без нее. Работал в военном оркестре, играл на трубе. А дом мы здесь купили, когда жене сказали, что у нее неважные легкие и ей нужны теплые зимы, – сказал дедушка и погладил подоконник, точно тот был живой.

– Тогда, может, вам не стоит... – начал папа, но старичок торопливо повторил, что уже давно все решил, одному ему жить опасно, потому что сердце пошаливает, и он очень рад, что все наконец сложилось.

Дедушка с папой договорились, сколько платить и как пересылать деньги, и старичок стал показывать, где лежат книжки оплаты за электричество, где счетчики, как в доме перекрывается вода и какие вредные привычки имеются у газового котла.

– Он хороший, этот котел, лучше любых новых, но немного упрямый. Его нужно прочувствовать. А зажигается он спичками, вот тут... Только когда зажигаете – держите лицо подальше!

Папа с подозрением покосился на котел. Тот походил на огромный пушечный снаряд, в который входили трубы разного диаметра. В котле что-то бурлило и пытело.

– А инструкция на него есть? – робко уточнил папа.

– Какие инструкции? Он почти мой ровесник! Главное – с ним просто дружить, – вздохнув, сказал старичок и стал крутить большой вентиль. – Вот я его выключаю! А теперь

зажигаю! Берегите глаза! Осторожно!

Старичок поднес к котлу спичку, и – ПЫХ!

Это был самый большой «пых» в мире. Папа даже присел на всякий случай, спасая голову, но котел уже мирно подогревал воду, а рядом стоял крайне довольный старичок.

– Ну вот! Кажется, я все показал! А теперь бегите на поезд! – поторопил он, и папа поехал к маме и детям.

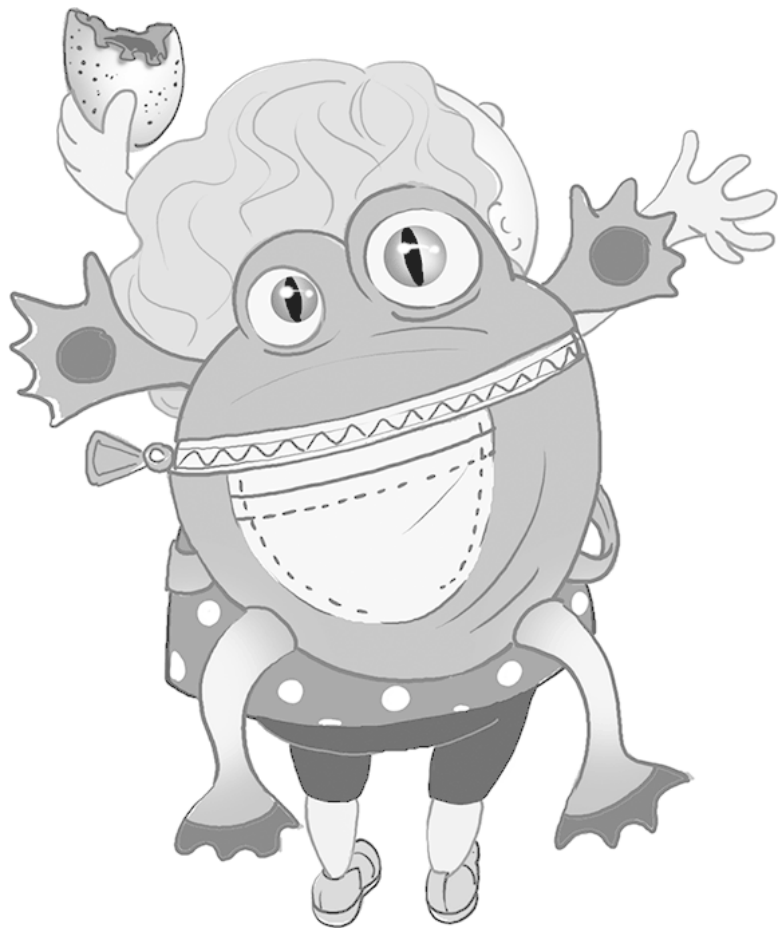
Апрель и май прошли в ужасной суете. Московскую квартиру выставили через агентство и сдали ее семье с двумя детьми, которая должна была заселиться с июня. Дети в этой семье были такими бесшумными, что папа не сомневался: бдительной соседке они понравятся. Хотя, возможно, теперь она решит, что дети квартирантов сидят тихо, потому что во рту у них кляп или родители привязывают их к стульям.

– За час ни единого звука! Сидели и рисовали фломастерами! Ну не могут дети быть такими послушными! – завистливо сказала мама.

– Это наши не могут, а другие могут. Мне кажется, наши дети – итальянские шпионы, – отозвался папа.

– Мы сами с тобой итальянские шпионы! Только итальянцы об этом пока не знают, – добавила мама.

В последние недели она почти не спала. Никто не понимал, когда она отдыхает. С начала мая мама паковала вещи, которые они забирали с собой, и раздавала то, что с собой было никак не взять.

За эти два месяца сухонький дедушка трижды передумывал ехать к внучке, а потом опять собирался. Это сбивало па-

пу с толку, но мама все равно продолжала упорно упаковываться, заявив, что она уже настроилась, а раз настроилась, то отступать поздно. Будь что будет – они просто приедут и сядут на вокзале на сумках, а там уж как-нибудь само все устроится.

Потом дедушка немножко поднял цену и все-таки уехал к внучке. Это произошло за несколько дней до окончания последней школьной четверти. Новый учебный год дети должны были начинать уже в новом городе и в новой школе. И тут все поняли, что переезд действительно состоится, и стали паковать вчетверо быстрее.

Дети собирали вещи каждый в свой рюкзак. У самого маленького был самый маленький рюкзак, у самого большого – самый большой, за исключением Риты, которая была такой мелкой, что рюкзак ей заменяла лягушка, рот которой закрывался на молнию.

Саша набрал себе полный рюкзак игрушек, а когда они в него не поместились, стал колотить по рюкзаку молотком, уминая его, чтобы влезло все остальное. При этом в порядке бескорыстной помощи он «умял» молотком и ту большую сумку, в которую мама собрала посуду, после чего оказалось, что вся уцелевшая посуда легко может поместиться в одном пакете.

– Ну ничего! – сказала мама, утешая себя. – Ведь мы же могли перебить ее и в дороге, и тогда это было бы гораздо обиднее!

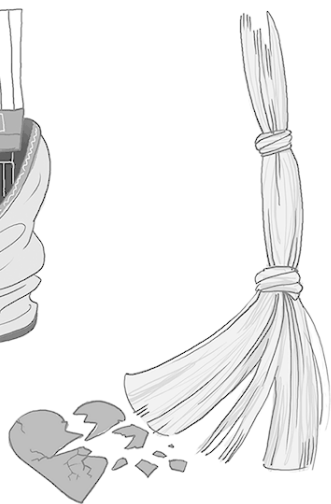
Катя набила полный рюкзак клетками с животными. На дно рюкзака поставила клетку с морской свинкой, на нее клетку с крысами и на самый верх пирамиды – красноухую черепаху Мафию. Мафией черепаху называли потому, что ко-

гда она жила в аквариуме, то съела тритона, рака и телескопа. Причем лопала она всех ночью и абсолютно бесследно, а днем лежала на дне как добропорядочная личность, так что ее стали подозревать потому только, что не могли же тритон, рак и телескоп просто взять и уйти куда-то по делам. Потом Катя спохватилась, что ехать еще не скоро, и вытащила все клетки обратно, чтобы животные не задохнулись. Но вытащив клетки, Катя опять поддалась настроению всеобщих сборов и запрятала всех обратно. И снова подумала, что они задохнутся, и опять вытащила. Алена ныла и не хотела никуда ехать. Она влюбилась в Вадика из соседнего класса, который на физкультуре все время бросал ей в спину тяжелым медицинболом, а другим девочкам не бросал. И хотя от мяча на спине были синяки, все равно пренебрегать Вадиком не стоило.

Катя, как старшая сестра, устроила Алене допрос:

– Вадик! Ха! Как звали мальчика, в которого ты влюбилась на прошлой неделе? Дима?

Машей черепаху назвали

помощи, что, когда она жила в аквариуме, но света

– Кирилл. Он залепил мне волосы жвачкой.

– А Дима не залеплял?

– Кирилл Диме тоже залепил волосы жвачкой.

Катя покрутила пальцем у виска:

– Тьфу! Тут такая драма! Кирилл с Димой залепляют друг другу волосы жвачкой, а она влюбляется в какого-то несчастного Вадика! Все, топай собирай рюкзак!

Алена взяла веник, смела в совок свое разбитое сердце и отправилась собираться.

И вот наконец наступил день отъезда. Папа повез маму и детей на вокзал. Сам он должен был потом вернуться, погрузить в микроавтобус вещи, которых набралось гораздо больше семи рюкзаков, и целые сутки провести за рулем. Но и поезд тоже ехал сутки. Так что они должны были оказаться на месте примерно в одно время.

На вокзал их неожиданно поехала провожать бдительная старушка со второго этажа. Папа с мамой не слишком хотели ее брать, сочиняя про неработающие ремни безопасности на третьем ряду сидений, но отказать ей оказалось совсем непросто. В машине старушка держала Риту на коленях и целовала ее в макушку, а Рита вертела головой, потому что ей было мокро.

– Смотрите! Она пьет из нее мозг! – прошептал Петя и так дико заржал, что его хотели даже отправить на вокзал на метро.

На вокзале старушка перецеловала всех детей, не исклю-

чая даже и Петю, которого пришлось пригибать, потому что он был выше ее на две головы. Целуемый Петя корчил страшные рожи и пытался поймать на вокзале бесплатный Wi-Fi.

– Я помню тебя еще вот такусеньким! – сказала бабушка, показывая рукой на уровне своего колена. Потом она подарила детям приемник, который заряжался от солнечной батареи. Рите, конечно, сразу захотелось такой же приемник, и только себе одной, и она прямо на перроне улеглась на асфальт, чтобы всем было видно, как сильно ей необходим приемник.

– Он будет общий! И твой тоже! – сказала Катя, но Рита хотела приемник только себе и лягалась.

– Вот видите! Никто ее не пытается! – не удержался папа Гаврилов.

– Работайте с характером ребенка, работайте! Объясняйте! – сказала бдительная бабушка, но сказала каким-то совсем слабым голосом. Поезд тронулся, а бдительная бабушка все махала им рукой.

– Катя, Саша, Рита, Костя, Вика, Алена, Петя! Прощайте! Пишите мне! Я же даже адреса вашего не знаю! – кричала она.

Мама поразилась. Она и не подозревала, что бдительная бабушка знает всех их детей по именам. Поезд отъезжал, и из окна было видно, как соседка идет по перрону и вытирает глаза.

– Знаете, а она какая-то хорошая! И почему мы раньше этого не замечали? – неуверенно сказала мама.

– Так можем вернуться! Еще не поздно выскочить из поезда! – предложила Вика.

– Нет! Возвращаться мы не будем! – торопливо ответила мама. – Но я теперь знаю, что она хорошая, и на сердце у меня легче!

Вика хихикнула и села читать «Всадника без головы», в котором часто попадались лошади.

Глава третья

Виноградная, дом 6

*Пока лягушка барахтается – она не утонет.
Папин девиз*

Перед тем как выезжать, папа обошел автобус вокруг и покачал его, проверяя, равномерно ли он нагружен и не кренился ли на одну сторону. Автобус был навьючен как ослик. Коробки и вещи заполняли его от пола до потолка даже при сложенных сиденьях.

– Бедолага! – сказал папа, жалея свой автобус.

Автобус у Гавриловых был японский, праворульный. Когда-то маленькая Алена, соскребая с него грязь, помыла его кирпичом, а еще через годик уже подросший Саша заботливо обстучал его молотком со всех сторон, зимой сбивая с автобуса лед. И автобус покрылся оспинами. Папа иногда задумывался, что хорошо бы поменять старый автобус на новый, но кто сказал, что новый тоже не помогут кирпичом, а старый хотя и выглядит как бешеный сарай, и лет ему больше десяти, на самом деле вполне себе резвый.

На примере своего папа научился определять другие многодетные автобусы. Для этого нужно утром в воскресенье, когда в центральных храмах начинается служба, выйти на любой оживленный перекресток и наблюдать, какие автобусы подпрыгивают и раскачиваются, дожидаясь зеленого света. И таких окажется немало.

Папа сутки провел за рулем, слушая в дороге аудиокниги и стараясь доехать быстрее, но все равно из-за того, что пришлось грузить коробки, опоздал на час. Дети и мама стояли на вокзале, не зная, что им делать, а возле них горой лежали их рюкзаки, коробки и чемоданы. На вершине же горы прыгала Рита, которую мама придерживала, чтобы она не свалилась. Но Рита, разумеется, была уверена, что не свалится, и выдергивала руку, а когда мама отпустила ее, то Рита немед-

ленно грохнулась. Папа едва успел поймать ее за тусы.

– Это был тихий ужас! – пожаловалась мама. – Мы терроризировали весь вагон! Рита все время бегала, Костя не хотел спать на одной полке с Сашей, сталкивал его ногами, а Вика его к себе брать не хотела!

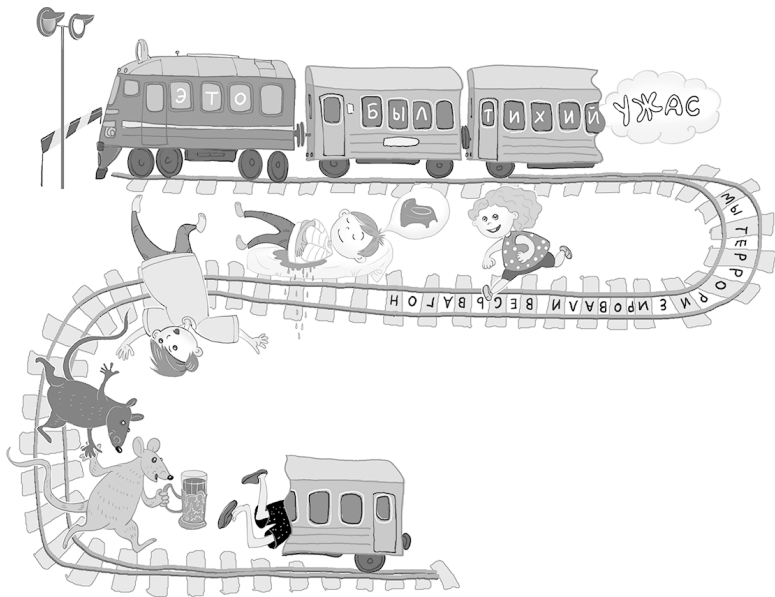
– Ляжешь с Костей – проснешься в луже! Он потом опять скажет, что ему приснился горшок, – объяснила Вика.

– Неправда! – взвыл Костя.

– ...а еще у нас смылись крысы! – меняя тему, добавила мама.

– Да-да-да! И Шварц тоже! – закричала Катя. – Бегали во всему вагону! И что ты думаешь? Все мужчины боялись крыс, один даже на вторую полку запрыгнул, а женщины их брали в руки!

– Это потому, что женщины боятся не крыс, а мышей! И то когда им выгодно! – заявил Петя.

– И где крысы сейчас? – спросил папа, надеясь, что они сбежали с концами.

– В клетке конечно! Они потом вернулись! – сказала Катя и заглянула в рюкзак, чтобы проверить, не смылись ли крысы повторно.

Потом все втолкнулись в микроавтобус, ухитрившись разместиться поверх вещей, и папа повез их смотреть дом. Он очень гордился собой, и ему хотелось, чтобы все было торжественно.

– Сейчас вы увидите! Сейчас!.. – то и дело повторял он,

но обещанное «сейчас» почему-то никак не наступало.

Они раз шесть проехали по набережной, раз десять пересекли трамвайные пути, но улицу-«восьмерку» так и не обнаружили. В очередной раз прокатившись по набережной, дети устроили бунт. Им хотелось купаться, но мама не помнила, в какой коробке плавки и купальники. Да и вообще сомневалась, что вода прогрелась. Пляжи были еще совсем пустые.

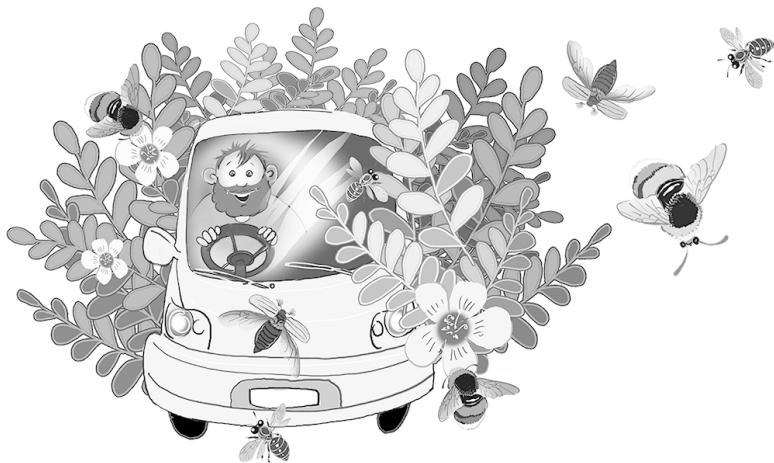
Мама начала уже посматривать на папу с некоторым сомнением.

– А город хотя бы тот? – осторожно спросила она. – А название улицы ты помнишь?

– Виноградная, дом шесть! – выпалил папа.

– Ну так спроси у кого-нибудь!

Спрашивать папа отказался из принципа. Он уже считал себя местным жителем, а местные жители дороги не спрашивают.

– Я знаю, как пройти пешком от вокзала! Но я шел дво-
рами, на машине так не проедешь!

– Так давай бросим автобус и пойдем пешком! – потребо-
вала мама, которой не терпелось увидеть дом.

– Нет, это глупо. Так мы потеряем автобус и все вещи.
Теперь я точно вспомнил: это здесь! – заупрямился папа и,
решительно повернув, заехал в тупик, который завершился
стеной зеленого кустарника.

Папа стал разворачиваться, что оказалось непросто, по-
скольку все заднее стекло было заложено коробками и его ле-
жащими горизонтально родственниками, а улица была толь-
ко чуть шире их машины. Папа сдал назад, потом сразу по-
ехал вперед и неожиданно для себя врезался в сплошную

стену зеленого кустарника.

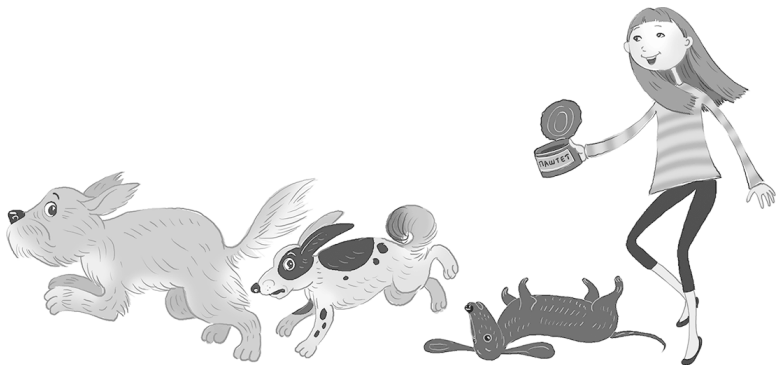
– Осторожно! Поцарапаешь! – крикнула мама, но кустарник вдруг расступился, и его ветки только скользнули по стеклам.

Растерявшийся папа, давя на газ, продолжал ехать непонятно куда, и машина, не испытывая ни малейшего сопротивления, проходила сквозь зеленую стену. По окнам барабанили яркие растрепанные цветы, в которых копошились пчелы, шмели и майские жуки.

– Мы как Алиса в Зазеркалье! – крикнула Алена.

А потом кустарник окончательно расступился, и все увидели пыльную дорожку с волнистым асфальтом, потрескавшимся от силы находившихся под ним корней множества акаций. По дорожке навстречу их автобусу с хриплым лаем бежала большая лохматая собака. За лохматой собакой, опять же с лаем, спешила средняя собака грязно-белого цвета. И наконец самой последней ковыляла совсем маленькая коротколапая собака с лысой спиной. Эта собака уже не лаяла, а кашляла.

Катя выкатилась из остановившейся машины и побежала навстречу собакам. Мама закричала, боясь, что собаки ее разорвут, но две собаки вдруг повернулись и побежали в противоположную сторону, а лысая от ужаса упала на асфальт и, сдаваясь, перевернулась лапами вверх.

– Видели? Боятся, что Катька их насмерть заобнимает! Я бы тоже испугался! – сказал Петя и опять так дико заржал, что Вика стала требовать высадить Петю из машины, потому что он ее совсем оглушил.

– Да я и сам уйду! – сказал Петя и выполз из машины через опущенное заднее стекло. За Петей выбрались Алена, Костя, Саша и Рита.

Все они столпились перед автобусом, и папа уже не мог никуда ехать и заглушил двигатель.

– И где дом? – спросила мама.

– А вот! – сказал папа, показывая рукой на то, чего мама из автобуса не могла видеть.

Мама вышла и увидела дом. Он был с облупившейся штукатуркой, но это не бросалось в глаза, поскольку второй этаж и крыша были обвиты виноградом, а первый этаж, где у винограда были только толстые лысые стволы, обтягивал цветущий шиповник, завивавшийся на решетках окон.

Ворота у дома были двустворчатые, железные, в два человеческих роста, выкрашенные черной краской. Уже много лет они ржавели и их старательно красили поверх ржавчины.

Они опять ржавели, и их снова красили. В результате ворота, как ни странно, получились очень красивой фактуры – неровные такие, шершавые, точно живые. Внизу, где ворота ржавели сильнее, кое-где образовались маленькие дырочки.

Рита и Саша уже лежали на животе, пытаясь в дырочки подглядеть, что происходит во дворе.

– Мама, смотри! Смотри! – кричали они.

– Ну, господи помилуй! – сказала мама.

Она осторожно подошла и провела рукой по воротам. От солнца черная краска разогрелась и обжигала ладонь. Налетел ветер. Ворота натянулись как парус и загудели. Маме хотелось немного постоять здесь и попытаться поймать в сердце отзвук, который подскажет, тот ли это дом, о котором она мечтала, или будет какой-то другой, но папа уже спешил открыть ворота, а Саша ухитрился залезть на них и сидел, свесив ноги, почти на уровне второго этажа. Все кричали, требуя, чтобы он спускался, но Саше нравилось сидеть так высоко. Он перелез на столбик ворот, а со столбика – на балкон. Карабкался он легко, как обезьянка.

Мама испугалась, что Саша упадет, и стала кричать, чтобы он слез, но Петя заявил, что он Сашу знает. Сам Саша никогда не спустится, потому что прекрасно видит, что его никто не достанет. Он, Петя, сам был в детстве таким же вредным. Это сейчас он мудрый.

– Мудрый, мудрый! Только не ржи так громко! – сказала

Вика и на всякий случай отодвинулась.

– А если пригрозить, что мы его накажем? – предложила Катя.

– Тогда он тем более не слезет. Какой смысл слезать, если тебя накажут? Лучше сидеть, пока все забудут, что обещали тебя наказать! – авторитетно продолжал Петя. – Нет, лучший способ спустить Сашу – это начать в него чем-то бросать. Например, кирпичами.

– Ни за что! – воспротивилась мама.

– Я не предлагал сразу большими кирпичами. Можно начать с маленьких камешков. Ну не хотите – и не надо! Тогда способ номер два! Спорю на миллиард: сработает!

Петя наклонился, поднял с асфальта Сашин рюкзак и стал в нем рыться.

– Ого! – воскликнул он. – Сода! А это что в бутылке такое? Уксус, что ли?..

– Отдай! Это мое! – донеслось с решетки балкона, и оттуда ловко, как колобок, скатился Саша и, вцепившись в рюкзак, стал отнимать его у Пети.

– Учитесь у меня, пока я жив! Детская жадность – ключ к сердцу ребенка! – сказал Петя.

Но учиться у Пети никто не пожелал. Все уже спешили в дом. Первым летел Костя с саблей в правой руке. За Костей – Рита. За Ритой – Вика и Алена. Последней бежала Катя, за которой увязались все три уличные собаки – большая, средняя и маленькая, с лысой спиной. Теперь эти собаки боль-

ше не считали себя уличными, а подумали, посоветовались между собой и решили стать домашними.

Мама замахала на них руками, встала в дверях – и собаки опять стали уличными.

– Ты жестокая! – сказала Катя. – Кстати, я отдала им наш паштет. Все равно он протух.

– Мой паштет? Он не мог протухнуть! Он был запакован. Я планировала его на ужин!

– Это уже неактуально, из собак его все равно не достанешь, – сказала Катя.

Потом все долго ходили по дому, и папа показывал все, что показал ему в прошлый раз дедушка. Вот большая комната на первом этаже, вот маленькая комнатка, которую он, папа, заберет себе под кабинет, а вот кухня! Там наверху еще три маленькие комнаты и одна средняя. А вот еще какая-то дверь, но он, папа, понятия не имеет, куда она ведет.

– В комнату Синей Бороды! Там двести задушенных жен! – сказал Петя и открыл дверь.

За дверью обнаружилась зловещего вида лестница – темная и узкая. Все стали осторожно спускаться, причем старшие на всякий случай придерживали младших. Конечно, никаких задушенных жен там нет, вот уж ерунда какая, но все равно будет лучше, если первым пойдет папа. Безопаснее будет, надежнее. И лучше, если мама будет держаться за папу, а остальные дети вцепятся в маму.

Чем ниже они спускались, тем ближе становился черный, похожий на распахнутую пасть проход, откуда уже не проби-

вался вообще никакой свет. Папа пошарил по стене. Нашел выключатель, повернул. Вспыхнула болтавшаяся на проводе лампочка, и все увидели самый уютный в мире подвал. На верстаке стояла недостроенная маленькая яхта, а вдоль стены тянулся деревянный стеллаж с сотнями пыльных банок. Мама и Вика сразу кинулись протирать банки, пальцами проделывая в пыли небольшие окошки. В некоторых банках оказывалось варенье, в других – компот или джем.

– Мы не можем брать это варенье! Оно чужое! – строго сказал папа.

– Воровать мы не будем! Но мы можем вежливо спросить у старичка: «Можно мы своруем у вас варенье?» Скорее всего он скажет: «Да запросто!» Вряд ли он будет ехать двое суток на поезде, чтобы съесть три ложки и вернуться обратно! – заявила Катя.

А потом папа выключил в подвале свет, все поднялись наверх и разбежались по дому. Папа показывал маме, как зажигается газовый котел и как делается самый большой в мире «ПЫХ!». Саша, разумеется, уже стоял рядом наострив уши, и папе приходилось зажимать ему уши пальцами, а заодно и закрывать глаза, чтобы Саша не пронюхал, как делается самый большой «ПЫХ!».

Пока они изучали котел, на втором этаже поднялся жуткий шум. Пол трясся, дом подпрыгивал, а мама стояла и радовалась, что у них больше нет соседей, которые сейчас прибегут стучать в двери.

– Ты слышишь? Что они там делают? – спросила она у папы, когда Саша, привлеченный общим шумом, тоже убежал наверх.

– Думаю, делят комнаты! – предположил папа. – У них же никогда не было своих комнат. Хотя и здесь комнат на всех не хватит.

– Как не хватит? Комнат – шесть! На втором, ты говорил, три маленькие и одна средняя. На первом одна большая и одна маленькая! – воскликнула мама.

– Правильно, комнат – шесть. Детей – семь, а всех нас – девять... Плюс большая комната на первом этаже – явно общая. Здесь спать никто не сможет. Значит, минус одна. Даже минус две, потому что в маленькой будет мой кабинет!

– погоди: одна комната мне нужна для малышей... Самая тихая и дальняя, чтобы их днем не будили! А если тебе устроить кабинет в подвале? Представляешь, как здорово! Сидишь в замечательном, уютном, сухом подвале, пишешь роман и ешь варенье! – осторожно предложила мама.

– Нет уж! Лучше укладывай в подвале малышей! В прекрасном, уютном сухом подвале, где полно варенья! – мрачно сказал папа, решивший отстаивать свой кабинет до последнего.

Некоторое время спустя, когда шум стих, мама и папа поднялись наверх. Второй этаж представлял собой демаркационную зону. Границы каждого сектора отмечались детским рюкзаком и протянутой через комнату полоской выложен-

ных в ряд вещей, причем учтены были даже интересы Риты и Кости. Им старшие дети отвели самую дальнюю левую комнату и в этой же комнате их и заперли, чтобы они не бегали и не хватали все подряд. Комната рядом была великодушно отдана маме и папе под спальню. Вика, Алена, Саша и Катя разделили между собой центральную комнату, где, в принципе, всем могло хватить места, если поставить двухэтажные кровати. На окна центральной комнаты – а их было целых два! – Катя уже ухитрилась поставить клетки с морской свинкой и крысами. Вике это не понравилось.

– Никаких крыс! Они все время опилки из клетки выбрасывают! Грязь от них одна! Выбирай: или я, твоя родная сестра, или крысы! – закричала она.

– Не я просила тебя выбирать! – зловеще предупредила Катя.

Петя отвоевал себе самую дальнюю правую комнату. Он уже ухитрился закрыть в нее дверь и повесить табличку «**НЕ БЕСПОКОИТЬ!**», которую еще в Москве дальновидно вывел на принтере, наклеил на картон и привез с собой.

Мама озабоченно бродила по дому и считала кровати. Это оказалось несложно: кровать была всего одна. И еще имелся громадный дряхлый диван. Если стукнуть по нему, даже совсем несильно, к потолку поднимался столб пыли. Первым это обнаружил Костя, когда ударил по дивану саблей. Заметив это, к дивану подошел Саша, за Сашей – Рита, и все трое стали с увлечением по нему колотить.

Петя некоторое время наблюдал за детскими забавами с

высоты своей мудрости, а потом ему тоже захотелось двинуть по дивану. А еще лучше – разбежаться, подпрыгнуть и плюхнуться на него с предельно возможной высоты.

– А ну, мелочь, разойдись! – небрежно приказал он.

Однако раньше, чем Петя обрушился на диван и сломал все его ножки, в комнату вбежала мама. Закашлявшись от пыли, она стала вытаскивать из комнаты детей и требовать у папы, чтобы он выволок диван на улицу.

– Ладно, кровати купим завтра. Хорошо, что мы взяли с собой детские матрасы! Их можно постелить прямо на пол! – сказала мама, и все отправились за матрасами.

А потом все еще немного побегали и улеглись спать. Первым заснул папа, не спавший больше суток. Он даже не стал выгружать из машины вещи. На одном матрасе с ним спали Рита, Костя и Саша. Папе пришлось лечь на самом краю и поджать колени, потому что иначе они не помещались. Не помещались же они не потому, что матрас был маленьким, а потому, что Рита хотела лежать строго в центре и начинала вертеться и бить ногами всех, кто к ней хотя бы случайно прикасался. Костя и Саша отгородились от Риты подушками как щитами.

Это был первый их день на новом месте.

Глава четвертая

Летающий ботинок

*Легендарный создатель пороха монах Бертольд
Шварц погиб при взрыве своего изобретения.
Детская энциклопедия*

Утро началось с вопля. Вопила Вика. Все сразу проснулись и сбежались к ней. Мало ли что и как. Новый дом, новое место.

– Мне под матрас залез таракан! – сообщила Вика.

– И все, что ли? Большой хоть таракан? – зевая, спросила Катя.

– Огромный! Никогда такого не видела!

– Положи ему мокрого хлеба, тараканы его любят, – посоветовала Катя и подняла матрас, чтобы посмотреть на таракана.

– Осторожно! Складки! – закричала Вика, единственная из всех ухитрившаяся постелить себе на ночь простыню.

Таракан оказался гигантской фиолетовой жужелицей, которая пряталась в трещине деревянного пола. Петя немедленно залез в Интернет и выяснил, что первой жужелица ни на кого не нападает, но, спасаясь от врагов, может выделять желтоватые капли кислоты. Если яд попадет, например, на руку, а потом этой рукой человек потрет глаза, то сетчатка

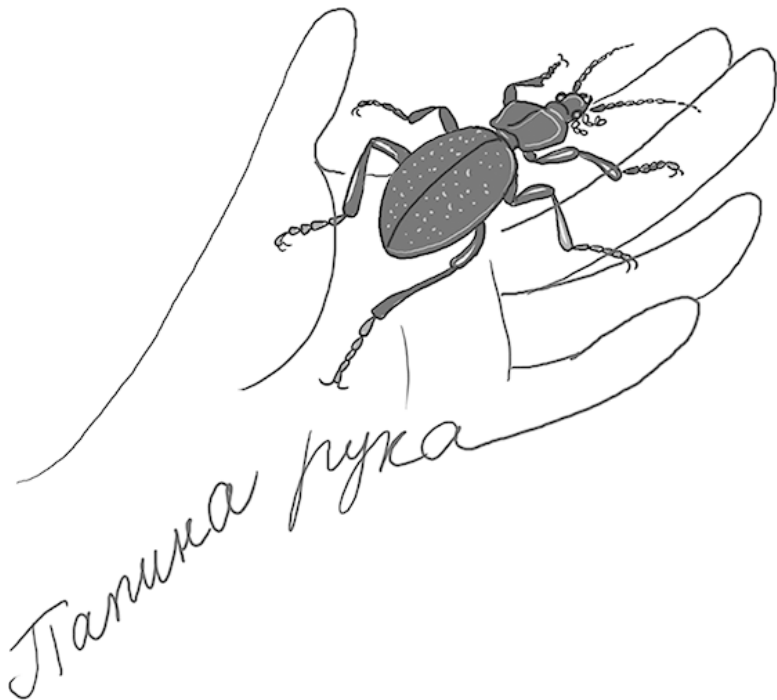
глаза уже не восстановится.

Алена и Вика сразу стали убегать от жужелицы, а другие, напротив, бегать за ней. Саша пытался посадить жужелицу на лист бумаги, чтобы она выделила яд. Катя кричала: «Не трогайте ее! Она в Красной книге!», а Костя размахивал саблей, пытаясь попасть по жужелице и победить ее. Рита вопила просто за компанию, потому что видела, что все бегают и вопят. При этом она еще громко топала.

Закончилось все тем, что папа посадил жужелицу на ладонь, унес ее во двор и опустил на траву. И никаких капель яда жужелица не выделила. Она вообще не разобралась, что была на папиной руке. Ей, должно быть, казалось, что это кусок коры.

– Ты выгнал ее из дома! Ей было хорошо здесь, с нами! Уютно и безопасно! – горестно сказала Катя, а мама стала заставлять папу мыть руки с мылом.

– Если ты ослепнешь – кто нас будет кормить? Ты работаешь глазами!

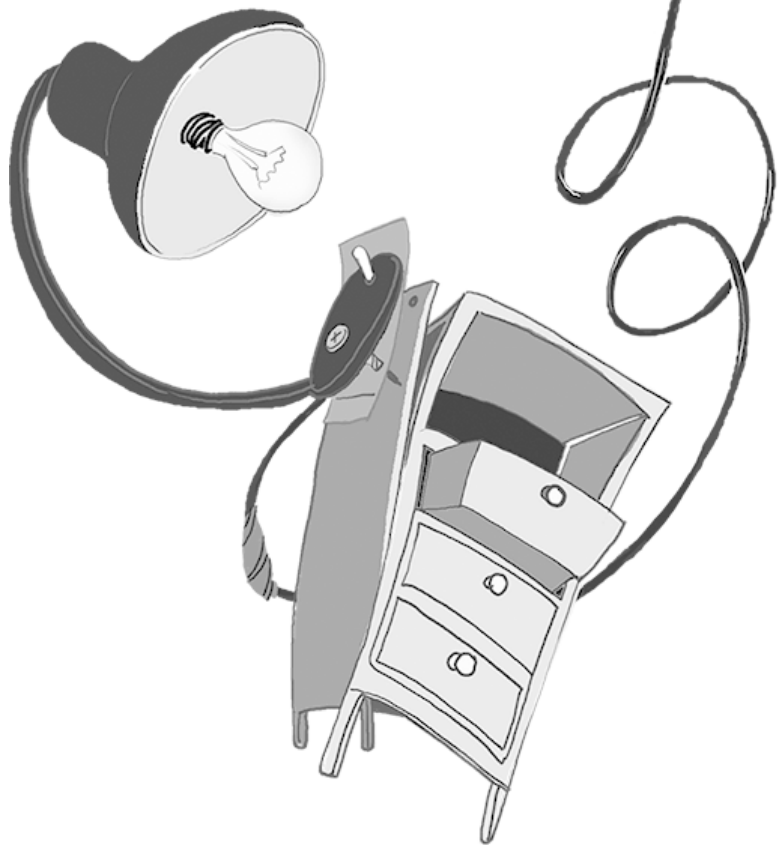

– Очень весело! А о том, что меня жалко, никто как-то не упомянул! – надулся папа и поскорее отправился в свой новый кабинет, пока его не занял какой-нибудь бешеный карапуз.

Письменного стола в кабинете не оказалось. Стояла только пахнущая валерьянкой тумбочка с прикрепленным к ней светильником, у которого шея была как у шахматного коня.

Папа стал двигать тумбочку, чтобы она оказалась ближе к свету. Оторвавшись от стены, светильник немедленно перекосялся и рухнул. Оказалось, что места крепления болтов ухитрились подгнить.

Кервое
разрушение

– Ну вот! Первое разрушение! – сказал папа, с грустью вспоминая старичка, который отнесся к ним как к людям приличным.

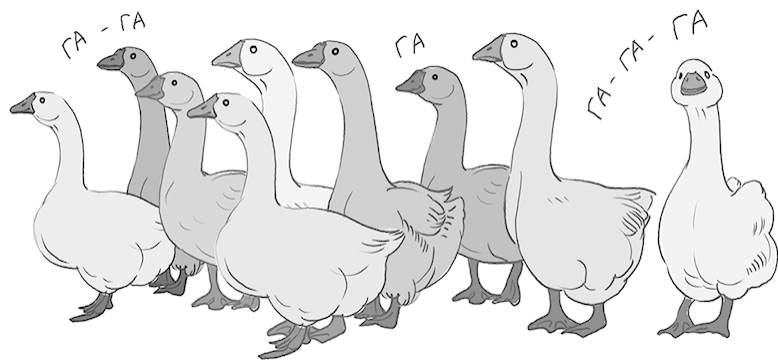
– Не первое! Второе! – уточнил Петя. Оказалось, что он уже ухитрился сломать стул, который, по его словам, был сам виноват, потому что кто ж знал, что на него нельзя вставать ногами.

Bonopae

pa3nyue

Стул и светильник папа перенес в подвал, а ноутбук временно поставил на подоконник. Когда он ставил ноутбук на подоконник, ему кто-то громко сказал «га-га!». Он решил, что это Петя, но потом увидел целую толпу гусей, которые длинной цепочкой, как заключенные в фильмах, прогуливались вокруг здорового корыта и ужасно галдели.

Рядом с гусями, спрятав под фартук руки, стояла пожилая женщина и любовалась ими. Все это происходило в каких-нибудь двух метрах от окна папиного кабинета. Если бы папа открыл окно, то через полоску клумбы легко мог бы дотянуться шваброй до гусей и женщины.

– Разве это не наш двор? – озадаченно спросила мама.

– Нет, не наш. Это со стороны улицы, – ответил папа. – И что, они целый день будут так гоготать? Это же город! Тут

центральная улица в двух шагах! Откуда здесь гуси?

– Хочешь я заклею тебе окно пленкой и ничего не будет видно? – предложила мама.

– Ну уж нет, не надо! Я хочу видеть жизнь, а не пленку с цветочками!

Оставив папу наблюдать жизнь, мама отправилась на кухню готовить завтрак и спасти от Кати остатки продуктов. Где-то близко уже лаяли собаки, и мама подозревала, что без Кати тут не обошлось.

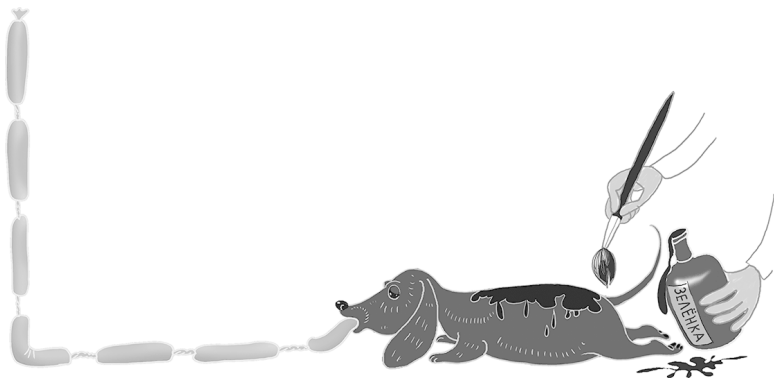
Выглянув на улицу, мама обнаружила, что так оно и есть. Катя скармливала собакам оставшиеся у них сосиски, а рядом стояла Вика и беличьей кистью, в которой мама узнала одну из своих любимых художественных кистей, мазала лысой длинной собаке спину зеленкой. Лысая собака ела сосиску, и ей было все равно, что на нее льют зеленку и размазывают ее натуральной беличьей кистью. Другие собаки, правда, смотрели на лысую с подозрением и отодвигались от нее.

– Что ты делаешь?! – закричала мама.

– А почему она лысая? Если лысая – значит, больная. Если больная – надо лечить! – заявила Вика.

– Не трогайте ее руками! Вдруг это лишай? – заволновалась мама.

– Да никто ее руками не трогает! Я ее кистью трогаю! – объяснила Вика, и доевшие сосиски собаки умчались за ворота облаивать одинокого велосипедиста.

Мама испугалась, что подумают, что это их собаки, потому что они выбежали из их ворот, и помчалась спасать велосипедиста. Велосипедист орал и дрыгал ногами, пытаясь попасть по собакам. Пока он ехал по улице-«восьмерке», собаки бежали рядом и страшно лаяли, а самая большая даже хватала его за штаны. Но едва велосипедист приблизился к выезду с улицы, собаки мгновенно утратили к нему интерес и отправились восвояси. При этом лысая собака ухитрилась поваляться в пыли и все следы зеленки с нее исчезли.

Когда мама вернулась, папа выгружал из автобуса вещи. Петя и Вика ему помогали, а Саша бродил по двору и выискивал всякое интересное. Интересного обнаружилось довольно много. Ржавые грабли без ручки, лейка в форме фламинго, изначально розовая, но выцветшая от солнца и почти белая, два очень старых автомобильных номера и здоровен-

ный ботинок. Похоже, когда-то ботинок побывал в бетоне, потому что и сейчас он еще был в бетоне, и даже шнурки у него окаменели.

Саша взял ботинок, подумал, подержал его в руках, а потом со словами «А почему он у нас валяется?» перекинул его через забор к соседям.

– Не надо! – закричала мама, но опоздала. Она только успела услышать, как ботинок с той стороны свалился на что-то железное, потому что звук был металлोलомный.

– Ну вот! Теперь придется идти к соседям извиняться! – сказала мама, однако прежде чем она сделала хотя бы один шаг, ботинок прилетел обратно и шлепнулся между мамой и Сашей.

– Ого! – сказал Саша и опять, быстрее, чем мама хотя бы пошевелилась, перекинул его назад.

На этот раз обошлось без грохота. Значит, ботинок пролетел мимо железного листа. А еще через три секунды ботинок вновь появился над забором, вращаясь в воздухе. Видимо, его запустили за окаменевший шнурок. Петя, шедший через двор с коробками, бросил коробки и кинулся ловить ботинок. Ему удалось перехватить его сразу, едва он появился из-за забора, и наискось забить, точно волейбольный мяч.

– Ты больной! – сказала Вика.

– А они здоровые, да? Ботинками швыряются!

– Мы первые начали!

– Нам можно! Это не наш ботинок!

– Как не наш? Он на нашем участке!

– Все равно не наш. Пусть покажут чек, что он наш!

В воздухе опять просвистел ботинок. Петр схватился за ухо и стал медленно багроветь.

– Ай! Он тебя задел? Тебе больно? – воскликнула Вика.

– Нет. Мне щекотно. Лучше все уйдите, потому что я могу промахнуться! – сказал Петр голосом, страшным в своей тишости.

Взяв ботинок за шнурок, он раскрутил его и с силой запустил вверх. Немного не достав до солнца, ботинок, набирая скорость, помчался вниз – и благополучно повис на ветках грецкого ореха.

Петя попытался полезть за ним, но верхние ветки грецкого ореха оказались хрупкими и его веса не держали. Тогда Петя стал отправлять Сашу, заявив, что «на арену выходит главный обезьян!».

Польщенный «главный обезьян» взлетел на орех, но ветки стали трещать даже под ним, и «обезьян» вернулся ни с чем. Видя, что время идет, а ботинок не прилетает, с той стороны забора разочарованно завозились. Стало слышно, как по железному листу что-то волокут, скорее всего стул, а потом кто-то, вздыхая, на него карабкается. Над забором появилось бледное, в ржавых веснушках лицо. Принадлежало оно мальчику лет одиннадцати.

– Хотел бы обратить ваше внимание, что бросаться предметами невежливо! – сообщил мальчик. Его голова качалась

как маятник, то исчезая, то вновь появляясь.

– Это ты кидал? Сейчас я тебе в лоб дам! Ты мне в ухо попал! – закричал Петя.

Бледный мальчик серьезно посмотрел на его ухо:

– Минуту! Прошу прощения, что отвлекаюсь, но мне нужно срочно завершить одно неприятное дело!

– Какое дело?

Мальчик не ответил и исчез, а еще мгновение спустя лист железа страшно загрохотал.

– Что, убегаешь? – спросил Петя.

– Нет, – донесся слабый голос с другой стороны забора. – Не совсем так. Я упал со стула.

Петя сообразил, что это и было то самое неприятное дело, которое мальчику предстояло завершить.

– Как можно упасть со стула?

– Я стоял на спинке, а она сломалась. Не могли бы вы меня поднять? Я застрял.

Петя, Вика, а за ними и Катя перемахнули через забор и прыгнули на железный лист. Они оказались во дворике, похожем на ракетку для большого тенниса. Ручка ракетки была выложена разноцветной плиткой. Там, где у ракетки находится круглая часть, располагался маленький двор. Во дворе стояли две клетки. В первой томились четыре курицы. Во второй, примыкавшей к стене, были заперты пять или шесть велосипедов.

На листе железа валялся стул со сломанной спинкой. Воз-

ле стула на спине лежал мальчик. Его нога застряла в разветвленном стволе акации, на колючих ветках которой во множестве сохли носки. Мальчик прижимал к груди руку. Его белая майка медленно окрашивалась в розовый цвет.

– Прощайте! – торжественно сказал мальчик, глядя не на них, а в небо. – Передайте, пожалуйста, моим родителям, что я умер. Хотя, думаю, они и сами догадаются!

Вика завизжала, а Катя присела на корточки и спросила, почему он решил, что умрет.

– Я порезался, – сообщил мальчик.

– Что порезал? Вену?

– Нет. Я распорол палец об этот железный лист. Теперь, конечно, родители его выбросят, но это уже бесполезно. Человек, порезавшийся ржавым предметом, умирает за несколько часов. У него начинается столбняк.

Катя вытащил ногу мальчика из развилки акации и подняла его. Мальчик стоял и покачивался. Раненую руку он прижимал к груди и никому не показывал. Майка продолжала окрашиваться в розовый цвет.

– У тебя дома кто-нибудь есть? – спросила Катя.

– Да.

– Ну пошли к тебе! Как тебя зовут?

– Меня звали Андрей. Андрей Мохов, – представился мальчик.

Катя и Петр подхватили его под локти и повели. Андрей Мохов шел твердо, но лишь пока не смотрел на свою майку. Тогда он начинал бледнеть и колени его подламывались.

– Конечно все будет плохо! – говорил он, пробираясь между клеткой с велосипедами и клеткой с курами. – Это ваша машина там стоит? Большая такая? Я из-за забора подсмотрел. Сколько у вас всего детей? Хотя можете не отвечать. Мне это уже не важно!

– Семь, – сказала Катя.

– По ряду причин это была бы ценная информация! – при-

знал Андрей. – А у нас детей двое. Нина и Серафим.

– Тогда почему двое? Ты же вроде Андрей?

– Правильно. Но когда я умру, останутся только Нина и Серафим. Я подкорректировал число, чтобы не вводить вас в заблуждение.

– А сколько лет Нине и Серафиму?

– Нине четырнадцать, Серафиму восемь. Но он сегодня с утра потерялся, так что, возможно, останется одна Нина.

В конце двора они увидели небольшой потрескавшийся дом. Он был обвит уже не виноградом, а плющом со стволом толщиной в две человеческих руки. Чтобы корни плюща не разрушали стены, под них были подложены деревянныешки.

– Надо же! Еще дом! Откуда он здесь взялся? – удивился Петр.

– Он здесь всегда был, – важно сказал Андрей. – Даже раньше вашего. Вашему лет шестьдесят. А нашему сто скоро будет. Смотрите, какой ракушник толстый.

– А почему мы ваших ворот не видели?

Андрей вздохнул:

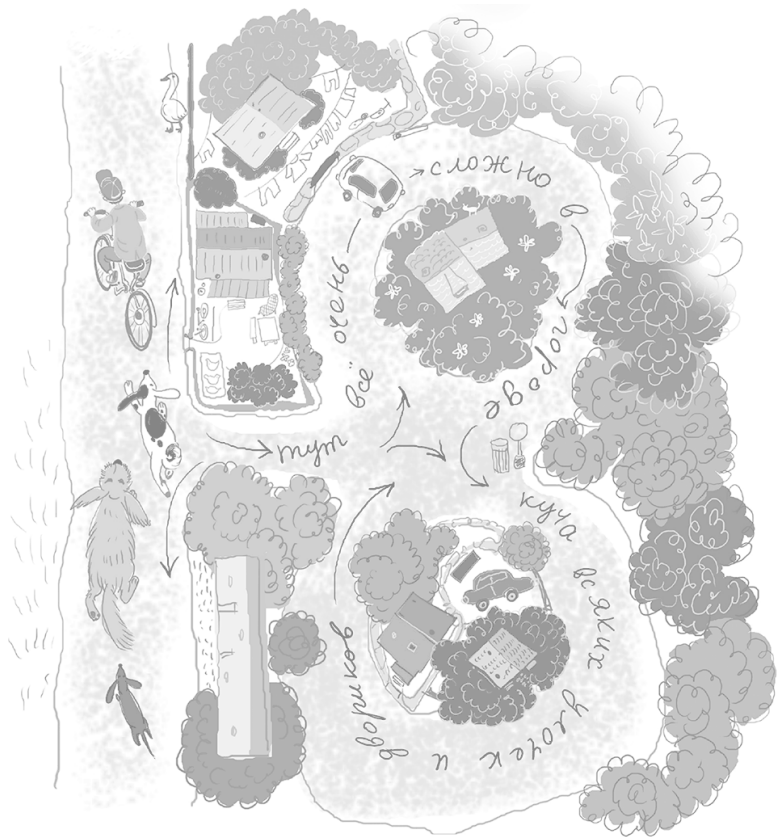
– Потому, что наших ворот тут нет. Есть калитка, но она далеко... Тут все очень сложно в городе. Куча всяких улочек и двориков.

– Это мы уже поняли, когда свой дом искали, – сказал Петя.

– Ничего вы не поняли. Восьмерка – она такая вот, – Андрей провел пальцем по воздуху. – А тут еще один переулочек, как единичка. Получается, не восемь, а восемнадцать. Мы на «единичке», вы на «восьмерке»! Короче, если через забор, то мы близко. А если пешком идти, то надо все кругом обходить.

Андрей поднялся на крыльцо и лбом стал стучать в дверь. Андрею никто не открыл, и тогда он нажал на ручку локтем.

– Открыто, – сказал он. – Идем!

Они оказались на застекленной веранде, где был установлен такой же, как у Гавриловых, газовый котел. Тут же помещались большой стол и кухонный уголок. Несмотря на то что

снаружи был яркий день, плещ настолько затенял окна, что веранда освещалась люстрой с пятью пыльными шарами. В одном из шаров застыла огромная высохшая бабочка.

– Мы ее специально не вытаскиваем. Ради художественной тени на стене. Папа не разрешает, – объяснил мальчик.

– Твой папа художник?

– Фотограф. На набережной работает. И еще по школам ходит.

Андрей довольно спокойно уселся на стул, но случайно посмотрел на свою руку и, вспомнив, что умирает, стал сползать со стула на пол. Вика посмотрела на него с пониманием. Она сама любила пострадать, когда появлялся подходящий повод.

– Иди под кран рану промой! – велела Катя.

– Ни за что! Боюсь!

– Давай я твою маму позову. Где она?

– Маму нельзя будить! Она всю ночь в Интернете сидела и только что легла. А Нина на гитару пошла...

– А папа где? На работе?

– Нет. Папа ищет Серафима. Серафим потерялся. Он все время теряется...

– Где у вас лекарства?

– В белой коробке.

Катя стала искать белую коробку и обнаружила ее справа от чайника. Все ее стенки, крышка снаружи и даже крышка изнутри были исписаны множеством телефонов. Пока Катя

искала коробку, она заметила, что на стенах веранды много икон, в том числе Млекопитательница и Казанская. На окне в подсвечнике торчал огрызок свечи.

– Тоже в храм ходите?

– Мама – да. Папа... ну тоже, наверное, да! А я атеист! – сказал Андрей. – Я верю не в Бога, а в то, что люди умрут, а потом разложатся на воду и минеральные элементы.

Петя посмотрел на Андрея с большим интересом и почесал нос.

– А как родители относятся к тому, что ты атеист? – спросил он.

– Нормально. Мама говорит, что атеизм – нормальная такая ступенька к вере и Бога она не пугает. Ой, не лей йод на рану! Йод нельзя на рану, только по краям! Господи! Больно же!!!

Воспользовавшись тем, что Андрей, дуя на рану, поневоле перестал вцепляться ей в палец, Катя ловко наклеила пластырь и вытерла руку мокрым полотенцем. Потом заставила Андрея переодеть майку. Едва пятна крови исчезли, Андрей сразу успокоился. Даже щеки у него заметно порозовели.

– Ну как? Жив?

Андрею неловко было признать, что он жив.

– Палец дергает! – сказал он, прислушавшись к своим ощущениям.

– Сильно?

– Нет, не сильно. Но дергает. Пошли в мою комнату. Толь-

ко не орите. За дверью мама спит.

– Тут сейчас некому орать. Малышни нет, – сказала Катя – и ошиблась, потому что, пока они возились, через забор ухитрился перелезть Саша и перетащить за собой Костю. Риту через забор никто не перетаскивал, и она вопила с той стороны, требуя присоединения к коллективу.

Комната у Андрея оказалась настоящим пиратским уголком с настилом наверху, который держался на четырех деревянных колоннах. С настила свисала веревочная лестница. Правда, выяснилось, Андрей ею не пользуется, потому что ему лень. На захламленном столе лежали учебники за пятый класс, планшет и ноутбук, у которого не было ни единой клавиши. Только две-три резинки уцелели и несколько пластмассовых частей.

– Не обращайте внимания на клавиатуру! – хмуро сказал Андрей. – Ее Серафим отковырял, когда я на его саранчу сел. Он не поверил, что это было случайно.

– На саранчу?

– Ну да. Он саранчу травой кормил, и она тут по всему дому шаталась. И с «Рабочего стола» он мне все поудалял. Теперь у меня пароль – восемнадцать знаков. Я его на глазах у Серафима набираю – он не может запомнить.

– А как ты пароль набираешь?

– На выносной клавиатуре. Я ее на всякий случай прячу... Эй! Это тоже ваш брат? Заберите у него мои бумаги!

«Тоже ваш брат» оказался Костей, который стянул со сто-

ла какой-то лист, чтобы на нем порисовать. Костю отловили и лист у него отобрали. Костя хотел было повозмущаться, но сочувствующей публики, на которую можно было поработать, поблизости не оказалось, и он преспокойно занялся исследованием рыболовного поплавка, который светился, когда его встряхивали.

– Это что за формулы? Химию любишь? – спросил Петя, разглядывая лист, спасенный от рук Кости.

Андрей торопливо выхватил у него лист, исписанный жирным маркером. Прислушался, выглянул в окно и шепотом спросил:

– Секреты хранить умеете?

– Да! – сказал Петя.

– Тогда вот! Не знаете, где можно купить уран?

– Какой еще уран?

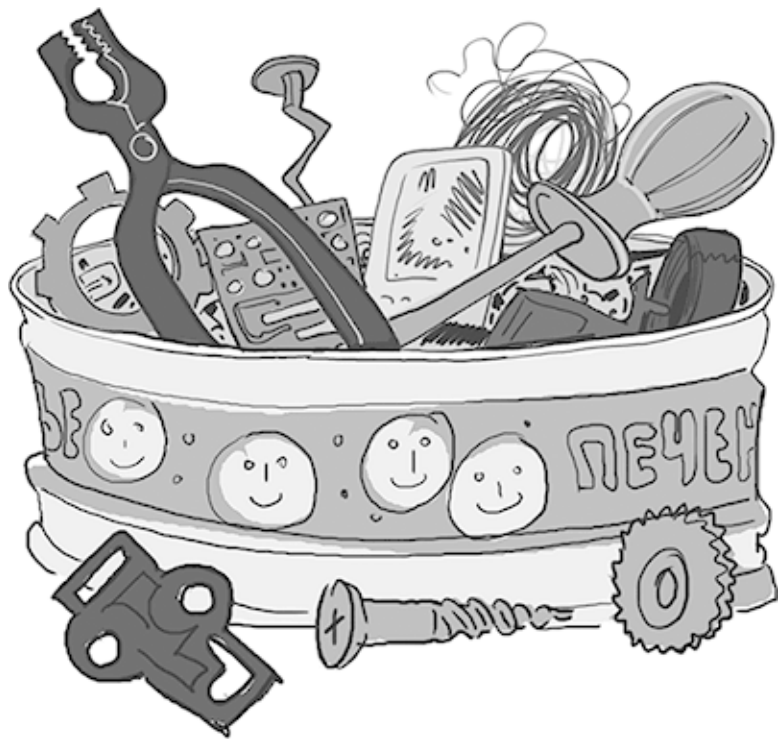
– Обогащенный. Я знаю, как сделать атомную бомбу, только у меня нет урана!

– А в аптеке купить? – наивно спросил Саша.

– Уран? В аптеке?

Петя расхохотался своим коронным смехом, однако Андрей посмотрел на Сашу без иронии, что Саша очень оценил.

– Ты не понимаешь! В аптеках таких вещей не бывает. Они даже марганец мне не продали! Сказали, что он запрещен к продаже.

Рядом со столом Андрея стояла здоровенная коробка из-под печенья, до краев наполненная всевозможными техническими сокровищами. Здесь были части телефонов, мотки проволоки, инструменты, батарейки, электромоторы от игрушек, детали конструкторов. Стоило Саше все это увидеть, как он прилип к Андрею, точно средневековый мальчик к крысолову с дудочкой. Поэтому, когда мама стала кричать

из-за забора и звать их завтракать, старшие дети ушли сразу, а Саша остался вместе с Андреем. И Костя тоже остался. Он вообще все время таскался за Сашей и по тому, чем интересовался Саша, примерно определял, что надо у него отбирать или выкрадывать.

Саша и Андрей стали возиться в коробке. Временами Андрей охал, пытаясь согнуть порезанный палец. Они делали катапульту, которая должна была метать батарейки с примотанным к ним электрошокером. Электрошокер Андрей выпотрошил из разбитой пластиковой зажигалки. По замыслу, все это должно было взрываться и убивать всех на месте, потому что Андрей где-то прочитал, что батарейки содержат соли металлов, а кроме того выделяют еще и газ, который, конечно, грохнет от электрошокера. Возле них толкался Костя, все хватал и мешал. Тогда они по веревочной лестнице залезли на пиратский настил на колоннах. Костя из-за своей левой руки вскарабкаться по лестнице не смог и скандалил внизу. На него не обращали внимания. Тогда Костя вышел во двор, набрал комьев земли, вернулся и стал бросаться в них землей.

– Мальчик, ты совсем ку-ку? Чего тебе надо? – возмутился Андрей, когда кусок земли попал ему по носу.

– Это Костя, – подсказал Саша.

– Костя! Чего тебе надо?

Костя не знал, чего ему надо, и сердито надулся.

– Скажи «стол»! – дрожащим от гнева голосом потребо-

вал он.

– Стол! – послушно повторил Андрей.

– Стол! Твоя бабушка боксер!.. – крикнул Костя. – Ха-ха-ха! Скажи «нос»!

– Нос!

– Нос! Твоя бабушка боксер!

Андрей замотал головой:

– Нет, не в рифму! Тут уже нельзя говорить «твоя бабушка боксер»... Вот скажи «полотенце»!

– Полотенце! – повторил Костя.

– Полотенце! Твоя мама любит немца! Запомнил?

Костя в полном восторге помчался во двор и стал кричать, чтобы его забрали домой. Вначале его никто не слышал, а потом папа послал Петю и тот передал Костю папе через за-

бор. Костя дрожал от возбуждения.

– Папа, папа! – закричал он. – Скажи «полотенце»!

– Полотенце!

– Твоя бабушка боксер! – сказал Костя и радостно расхохотался.

Глава пятая

Вечерняя сказка

Самый важный опыт родительства состоит в том, что иногда ваши дети будут есть много, а иногда не есть ничего. Иногда умнеть, а иногда глупеть. Иногда спать много, а иногда не спать вообще. Иногда огорчать, а иногда радовать. Иногда учиться, а иногда не учиться. Иногда лезть на стену и бегать по потолку, а иногда жутко тормозить. И единственное, что вам действительно нужно, – это любить их, сохранять терпение и понимать, что все это абсолютно нормально.

Йозеф Эметс, венгерский философ

Всю вторую половину дня папа занимался поиском кроватей. Мама, которая поначалу хотела выбрать все сама, осталась дома с детьми. Ей надо было уложить Костю и Риту спать.

В городе оказалось три мебельных магазина. Один – в каком-то подвале, один – на центральной улице и один – в ангаре-стекляшке. Магазин на центральной улице продавал офисную мебель – вертящиеся стулья и громадные столы для руководителей. Папа хотел купить себе такой стол для кабинета, но посмотрел на цену и решил, что оставит его на потом, когда уже напишет гениальный роман.

Да-да! У папы была мечта – написать гениальный роман. Порой этот роман прямо-таки шевелился в нем – так он рвался в мир. Но папа запикивал его назад в душу обеими руками и говорил ему: сиди тихо, созревай! И поэтому гениальный роман пока пробивался наружу лишь осколками.

В ангаре-стекляшке было много неплохих диванов, кухонные уголки и спальни. Кровати тоже были, но не короче, чем 200 см. Папа прикинул, что будет, если он всем семерым детям купит кровати по 200 см, и понял, что такой поезд из се-

ми вагонов, протянувшийся на четырнадцать метров, в доме ему не нужен. Поэтому он купил только одну такую кровать для Пети, в котором было метр девяносто. Таким образом, даже остался какой-то запас, чтобы ребенок рос в направлении достойного члена общества. Хотя в прежней их двушке Петр прекрасно помещался и на маленьком диванчике, поджимая колени.

Больше ничего интересного в стекляшке не оказалось, и папа отправился в магазин-подвал. Здесь он сразу увидел двухэтажную кровать и, обрадованный, бросился к продавщице. Продавщица спрятала в новую тумбочку недоеденное яйцо и вопросительно улыбнулась.

– А еще две такие можно? – спросил папа.

Продавщица терпеливо объяснила, что в магазине есть только то, что папа видит. Если папа чего-то не видит, то того и нет. Например, луну он не видит – значит, она в магазине не продается. Однако если папа настаивает, что хочет купить именно три кровати, они готовы совершить невозможное. Получить с папы деньги сейчас, а кровати отдать ему в августе, когда у них будет новый завоз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.